

**AGE CONCEPTS IN ANCIENT AND MODERN CULTURES: SYMBOLISM AND
NORMATIVE CRITERIA***Azimova Sevara Abdulla qizi**Lecturer at the Andijan State Institute of Foreign Languages**Dr. Ravinder Kumar (PhD)**Lecturer at the Andijan State Institute of Foreign Languages*

Аннотация: В статье рассматриваются элементы возрастного символизма как системы представлений и образов, в которых общество осмысливает жизненный путь индивида, восприятие различных аспектов жизненного цикла человека, а также критерии возрастной стратификации общества в древних и современных культурах.

Ключевые слова: абсолютный, условный возраст, жизненный цикл, возрастной символизм, возрастные категории, границы возраста.

Abstract: The article discusses the elements of the age symbolism as a system of ideas and images, in which society interprets the individual's way of life, the perception of various aspects of the human life cycle, as well as criteria of age stratification of society in ancient and modern cultures.

Keywords: absolute, conditional age, life cycle, age symbolism, age category, the age limits.

Возраст традиционно является предметом междисциплинарных исследований. В психологии развития и социальной психологии принято рассматривать возрастные различия между людьми как основу для их самоидентификации. В социальной антропологии возрастные нормы, существовавшие в культуре на ранних этапах её становления, выражались в виде вербальных табу и предписаний, а образ возраста служил идеальной формой развития для представителей данного общества.

Выдающийся отечественный учёный И. С. Кон полагал, что в каждой культуре существует система представлений и образов, в которых общество воспринимает и осмысливает жизненный путь индивида и возрастную стратификацию. Эту систему он назвал «возрастным символизмом» и доказал, что она включает в себя нормативные критерии возраста, возрастные стереотипы, или представления о том, как должны протекать развитие и переход индивида из одной возрастной стадии в другую, а также возрастные обряды и ритуалы, с помощью которых культура структурирует жизненный цикл и оформляет взаимоотношения возрастных слоёв населения [6, с. 108]. Таким образом, возрастная субкультура представляет собой специфический набор признаков и ценностей, по которым представители данного возрастного слоя осознают и утверждают себя в качестве единой возрастной общности. Все эти элементы соответствуют определённым аспектам жизненного цикла и возрастной стратификации общества.

По данным этнографов, в древнейших культурах представления о космических и социальных циклах возникли значительно раньше, чем разделение человеческой жизни на детство, отрочество, молодость, зрелость и старость. С конца прошлого века изучение системы возрастных групп как одной из древнейших форм организации общества стало одной из важнейших проблем мировой этнографии. Возрастные группы — это группы людей, объединённых по возрасту, а не по родству. Системы таких объединений или их следы обнаружены у многих народов мира, в частности в Австралии, Новой Гвинее, у некоторых групп индейцев Америки и в Африке. Изучение возрастных структур имеет свою историю, начало которой было положено в работах известных этнографов — Л. Фробениуса и Г. Шурца. Если Л. Фробениус считал, что

возрастные группы характерны для примитивных обществ, а причину их возникновения он находил в стадном инстинкте, то Г. Шурц первым в науке поставил проблему возрастных групп как системы общественной организации.

В концепции Г. Шурца причиной возникновения и основой существования возрастных групп было различие в психологии полов и противоречие между старшим и младшим поколениями. Немецкий этнограф рассматривал возрастную организацию как исключительно мужскую, противостоящую женской родовой организации. Главной целью создания постоянных возрастных групп Г. Шурц видел в необходимости защиты членов коллектива и регулировании брачных связей. Но, по мнению известного отечественного этнографа К. П. Калиновской, в конечном счёте «он не смог показать важное место систем возрастных групп в истории развития общества, а лишь указал на их древнейшее происхождение, неверно определив их общественную сущность и не увидев закономерностей их возникновения и развития [4, с. 15]».

Многие исследователи отмечают, что количество возрастных степеней у мужчин и женщин не совпадает в разных культурах. Например, мужчины африканского племени масаи имели шесть возрастных степеней, тогда как женщины только две — девочки и взрослые женщины. У племени котоко жизненный цикл делился на восемь стадий, потому что это число являлось универсальным для объяснения устройства мира и человека. В разных источниках указывается, что у жителей Западной Европы в древности жизненный цикл делился на пятилетние (франки, датчане и шведы), шестилетние (англосаксы, лангобарды, норвежцы, исландцы, баварцы и алеманы), семилетние периоды (древние греки и римляне).

В Талмуде, созданном в IV–V веках до н.э., указаны следующие ступени цикла жизни: ребенок учится читать в 5-летнем возрасте, затем получает возможность изучать еврейские законы в 10 лет, в возрасте 13 лет достигает возраста моральной ответственности, в 15 лет может обсуждать Талмуд и в 18 лет готов к вступлению в брак. После 20 лет схема жизни, описанная в Талмуде, делится на 10-летние интервалы. В период средней взрослости мужчина набирает рассудительность и мудрость, а 80 лет является идеальным возрастом для достижения «особой прочной старости», строгости и простоты.

В русской культуре понятие «цикл жизни» также является интересным и содержательным. Жизненный процесс подчинён определённой закономерности, а его этапы подобны временам года и представляют собой постоянный круговорот.

Действительно, многие биологические и социальные возрастные процессы являются циклическими. Изучение славянских терминов «возраст» и «век» доказывает, что «возраст» происходит от корня «рост» и связан с понятием «родить», «вскармливать», «растить», «воспитывать». Слова «старый», «пожилой» означают выросший, поживший. В русском языке понятия, описывающие длительность, течение «времени жизни», сложились позднее. В терминологии древних славян понятия времени связаны со значением «вечность», «на век» [3, с. 37].

Исследуя происхождение тех или иных обращений, сохранившихся в древнеславянских языках, мы видим, что новорожденный младенец и ребёнок до 5–7 лет имели названия, не дифференцирующие пол, но характеризующие их физический рост и соответствующее поведение. Например, «кувяка / кувятка» — издающий звук, плач; «слюдяник / сли-гоза» — пускающий слюни; «подсосок» — кормящийся грудью; «пополза» — ползающий; «дыбуля / дыбок» — начинающий вставать на ноги; «жив-жик, вьюнчик» — подвижный, юркий. Собираательные названия были либо возрастными, производными от «дитя», либо поведенческими, характеризующими физическую, умственную неполноценность, стихийность этого возраста: «орда», «мелочь» [1, с. 121].

Необходимо уточнить, что возрастные категории во многих языках первоначально обозначали не столько хронологический возраст человека, сколько его общественное положение, социальный статус. Например, древнерусское слово «отрок» буквально переводилось как «не имеющий права говорить», но фактически означало «раб, слуга, работник, княжеский воин». Это говорит о том, что между возрастом и социальными возможностями индивида существовала тесная взаимозависимость. Положение в обществе, диапазон социальных ролей, половозрастное разделение труда, характер деятельности, уровень самосознания и притязаний членов соответствующей возрастной группы во многом зависели от хронологического возраста человека.

LITERATURE

1. Bocharov, V. V. Anthropology of Age: A Textbook / Saint Petersburg State University, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (Kunstkamera). Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publishing House, 2001, 192 p.
2. Voevodina, L. N. Semantic Evolution of Myth in Culture // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2012, no. 5 (49), pp. 23–27.
3. Gavlova, E. The Slavic Terms “Age” and “Century” Against the Background of the Semantic Development of These Names in Indo-European Languages // Etymology. 1967. / USSR Academy of Sciences, Institute of the Russian Language; ed. O. N. Trubachev. – Moscow: Nauka, 1969. – Pp. 36–39.
4. Kalinovskaya K. P. Age Classes as a Historical Form of Social Organization. Ethnic Groups of East Africa / ed. by D. A. Olderogge. – 2nd edition. – Moscow: URSS, 2010. – 158 p.
5. Kodzhaspirova G. M. Pedagogical Anthropology: a textbook for university students studying in the specialty 031000 – Pedagogy and Psychology. – Moscow: Gardariki, 2005. – 287 p.
6. Kon I. S. Child and Society: a textbook for university students studying in psychological and pedagogical specialties. – Moscow: Academia, 2003. – 336 p.